

Л.Ю. Зорина
Вологодский государственный университет

ОБ ИЗУЧЕНИИ ГОВОРОВ УСТЬ-КУБИНСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена характеристике ранее совершенно не описанных говоров Усть-Кубинского района Вологодской области. Перечисляются фонетико-морфологические особенности говоров, анализируется их словарный и фразеологический состав. Выявленные в итоге экспедиций последних лет черты этих говоров свидетельствуют, что эти говоры, во-первых, типичны для центральной части Вологодской группы севернорусского наречия и, во-вторых, стабильны, устойчивы во времени.

Вологодские говоры, диалектологическое обследование, Вологодская область, Усть-Кубинский район.

Диалекты Вологодской области неодинаковы по своим типологическим и генетическим признакам [3]. Учитывая своеобразие разных вологодских говоров, их заметное отличие от русского литературного языка, русисты уже давно сосредоточились на их изучении [4; 5; 6; 7; 8 и др.].

Вологодские диалектологи определенное внимание уделили говорам Усть-Кубинского района. Это говоры Вологодской группы севернорусского наречия, бытующие на восточном побережье Кубенского озера, в самом центре современной Вологодской области.

Усть-Кубинский район Вологодской области – древняя земля, заселение ее происходило в очень давнее время, причем осуществлялось оно по старинным водным путям. В раннем средневековье (V–VIII вв.) здесь обитали финно-угорские племена, в позднем средневековье (XI–XIII вв.) наблюдалось активное продвижение на север славянского населения. Но и славянское население пришло на эту землю разными путями, с двумя колонизационными потоками. Так, Вологда находилась в новгородском владении, а территории южнее Сухоны – в ростово-суздальском управлении [1; 9]. Во второй половине XX века сами жители усть-кубинских деревень ощущали различия в говорах, что отражалось даже в общих названиях обитателей той или иной округи: *Жена-то была из заозёрцев, дак у них так не говорили* (У-К. Черныш.) (заозёрцами называли жителей восточного побережья Кубенского озера).

Материал по усть-кубинским говорам собирался во время специальных диалектологических экспедиций, студенческих полевых практик, а также в процессе сотрудничества со студентами-уроженцами этого района. Экспедициями руководили как опытные специалисты-диалектологи (Г.А. Дружинина, Л.Ю. Зорина), так и молодые, впервые выезжавшие со студентами на практику русисты (С.А. Громыко, Е.Н. Ивано-

ва). В процессе полевой работы были получены материалы из целого ряда сел и деревень района: *Авксентьево, Бережное, Богородское, Верхне-Раменья, Власьево, Голенинская, Заднее, Залесье, Ивановское, Исаково, Королиха, Лыва, Малое Лыскарёво, Мартыновская, Новое, Осилково, Помазиха, Тавлаш, Устье, Филисово, Чернышево, Чирково, Шамбово* и др. Некоторых деревень, где когда-то побывали диалектологи, теперь вовсе не существует, но записанные в них материалы уже зафиксированы в Словаре вологодских говоров [СВГ].

Диалекты Усть-Кубинского района тоже неоднородны. Определенные особенности имеют, различаясь между собой, устьянские, томашские, заднесельские, верхнераменские и другие говоры. Диалектологическая экспедиция 2016 года (9 студентов ВоГУ под руководством Л.Ю. Зориной) исследовала говор Верхне-Раменья, которое расположено на северо-востоке района. По горизонтальной прямой на карте это примерно посередине между селом Коварзино Кирилловского района и селом Кумзеро Харовского района (вспомним знаменитую деревню Тимонику, родину писателя В.И. Белова: до нее от Верхне-Раменья пешком ходили – всего 13 километров). Диалектологическая экспедиция 2017 года (10 студентов ВоГУ и руководитель Л.Ю. Зорина) дислоцировалась в селе Устье, но совершала выезды с целью наблюдений над томашскими (д. Королиха) и заднесельскими (село Заднее) говорами.

В самом селе Устье, центре Усть-Кубинского района, для изучения диалекта его жителей сделано уже немало. Большой по объему словарь местных и устаревших слов в говорах этой местности составлен и в настоящее время дорабатывается специалистами муниципальной библиотеки села. В составлении словарика принимали участие работники библиотеки, ее активные читатели разного возраста и прочие жители села.

Учитель-словесник Зинаида Алексеевна Морозова на протяжении многих лет составляла словарь диалектных слов, и он с течением времени заметно пополнялся ею. Один из вариантов этого словаря в рукописном виде хранится на кафедре русского языка Вологодского государственного университета. Другой, дополненный вариант словаря теперь уже издан работниками муниципальной библиотеки села Устье [Словарь говоров Устья]. В словаре 547 слов, они унаследованы, как считает автор, от глубокой старины и должны быть сохранены современниками.

Бывший директор муниципальной библиотеки села Устье Александра Павловна Варганова собрала и представила также в виде словаря местные слова родного для нее томашского говора [2, с. 27–41]. Будучи родом из деревни Бурдуково Томашского сельсовета, А.П. Варганова хорошо знает свой родной говор и дает диалектологам обстоятельные, квалифицированные комментарии. За время экспедиции 2017 года студентки Валерия Лебедева и Валерия Рычкова перевели в электронный вариант дополнения к этому словарю – «Диалектные слова родной Томаши».

В настоящее время в деревнях Усть-Кубинского района остается небольшое число коренных жителей (общеизвестно, что территория этого района почти сплошь «колонизирована» дачниками). Старшие местные жители в своей речи все еще сохраняют диалектные черты. Более того, диалектная основа ощущается в речи жителей районного центра, села Устье. В этом нет ничего удивительного, поскольку и в речи жителей областного центра, города Вологды, тоже обнаруживается, как говорят лингвисты, диалектный субстрат, или, что то же, – диалектная основа.

В записях речи жителей Усть-Кубинского района удается подметить яркие, отличающие диалект от литературного языка черты, в том числе – и очень архаические. Диалекты особенно ценятся потому, что сохраняют в себе разновременные напластования и по ним можно изучать процессы, происходившие в истории русского языка. Проследим далее за особенностями усть-кубинских говоров по имеющимся в нашем распоряжении материалам.

На месте древнего гласного, обозначавшегося буквой «ять» в положении между мягкими согласными в говорах Усть-Кубинского района звучит гласный [и]: *артильёй* (здесь и далее жирным шрифтом выделен ударный гласный). В предударном слоге перед мягким согласным также звучит [и]: *биленькё*. Гласный <a> между мягкими согласными реализуется в звуке [э]: *величели, взели*. Говорам свойственно оканье: *дошла, короу, горушку, Хорькёва и дают, трава*. Гласные [о] и [а] различаются во всех безударных позициях: *хорошо, обряжаще, зимовоцькю, было, ласково и дают, трава, написала*, то есть оканье в говоре архаическое, полного типа. Слово *работала* звучит в архаическом варианте *роботала*. В заударном положении в говоре проявляется ёканье: *шишоу́кнёт, имё, времё*.

Фонема <л> в говоре представлена звуком [П]-европейским, полумягким: *было, элак*. В слабой позиции она реализуется в *й*-неслоговом: *шишоу́кнёт*. В этом же звуке в слабой позиции реализуется фонема

<в>: *короу*, а это признак наличия в древности билабиального, двугубного звука [о], то есть черта древних новгородских говоров. В говорах сохраняются следы былого мягкого цоканья: *зимовоцькю, обряжаще*, что свидетельствует о былом влиянии финно-угорских языков. Говоры знают прогрессивную ассимиляцию согласных по мягкости: *биленькё, Ийкю, нянькю, толькё, Хорькёва*. Фонема ш'ш'-долгий реализуется в твердом долгом звуке (*шишоу́кнёт, понастояшиему, шишо*), в сочетаниях *шт (ештё)* и *шч (крешчоные)*.

Существительные 3-го склонения испытывают в говорах воздействие существительных 1-го склонения и приобретают его окончания: *на лошаде* (ср. *на воде*), *идут артильёй* (ср. *землёй, сестрой*). Существительные на -*мя* переходят в разряд слов типа *село: на имё, всё времё*. Форма творительного падежа множественного числа совпадает с формой дательного падежа: *молотили рукам, молотилам, с фонарям*.

У имен прилагательных в родительном падеже единственного числа сохраняется архаическое окончание -*ыё*: *белыё муки не было, у пятыё (дочери) живу*.

Глагол *быть* в 3 лице единственного числа настоящего времени в усть-кубинских говорах, в речи старожилов, употребляется в вариантах *есё, есю: Есю у тебя немного масла?* (У-К. Устье). По-видимому, слово *есть* в результате разрушения конечной группы согласных превратилось в *еь*, затем в конце слова развился гласный звук – *есе* или в условиях ёканья – *есё*, а уж потом появилось труднообъяснимое *есю*. К этим формам обычно присоединяется постпозитивная частица -*тко*: *Картошка-то у нас есётко ештё* (У-К. Устье). *В магазине-то свинина есютко* (У-К. Нов.). *У нас есютко такая медогонка* (У-К. Задн.). Частица, с одной стороны, усиливает определенность значения ('да, действительно есть'), а с другой стороны – придает звучанию речи некую плавность, связность.

В говорах Усть-Кубинского района наблюдается много других фонетико-грамматических диалектных черт. За время экспедиции в 2017 году относительно них студенты собрали обстоятельные ответы на задания специального весьма подробного вопросника. Сосредоточимся все же далее на фактах лексического порядка, более доступных, как представляется, для наблюдения и более интересных для читателей.

Самая многочисленная и интересная группа слов – это слова, вообще отсутствующие в русском литературном языке: *баской* 'красивый', *блзнить* 'мерещиться', *болозе* 'если, раз уж, поскольку', *едучий* 'недобрый, злой', *ерыкнуть* 'швырнуть, бросить', *ество* 'кушанье', *зыбка* 'колыбель, подвешенная к потолку', *зобенька* 'корзинка', *капаручи* 'грубые, грязные руки', *квелить* 'доводить до слёз, расстраивать', *коточиг* 'костяной нож, используемый при плетении из берёсты', *кросна* 'домашний ткацкий станок', *лонись* 'в прошлом году', *миздрить* 'напряженно вглядываться, всматриваться в темноте', *на верхосытку* 'в окончание трапезы, на десерт', *наянитья* 'вести себя нахально, бесцеремонно', *наслуд* 'насморк', *славутница* 'девушка, достигшая брачного возраста', *смыг* 'сугроб', *уколоток* и *уколочей* – 'выполосканное и ска-

танное жгутом белье', *шья* – 'отходы обмолота ржи', *злак* 'таким образом, так' и мн. др.

В говорах представлены и слова, отличающиеся от соответствующих слов литературного языка своим значением, так называемые семантические диалектизмы. Словом *клон*, например, называется 'участок луга' (в литературном языке *клон* – 'точная генетическая копия другого организма'), *оболочка* – 'верхняя одежда' (в литературном языке *оболочка* – 'слой, обтягивающий, обволакивающий что-либо'), *оладья* – 'каша с золотистой пенкой, сваренная в русской печи; запеканка': *пшённая оладья*, *рисовая оладья* (в литературном языке *оладья* – 'мягкая лепёшка из пшеничной муки, изжаренная на масле, оладушка'). В усть-кубинских деревнях женщины готовят и *яблошную оладью*, то есть картофельную запеканку: *яблоками* в старину здесь называли клубни картофеля. К этому ряду слов относятся также слова *вершок* 'сметана', *зимовка* 'часть крестьянского дома, предназначенная для проживания зимой' и др.

В ряде случаев диалектные слова отличаются от слов литературного языка морфемным составом, т.е. своими приставками, суффиксами. Такие особенности присущи словообразовательным диалектизмам: *Ежевница* – 'ежевика': *Ежевницы будет много* (У-К. Авкс.); *курочий* – 'куриный': *курочья слепота* 'название растения' (У-К. Устье); *штаношница* – 'штанина'.

Выделяется еще и группа слов, отличающихся от соответствующих наименований в литературном языке своим фонемным составом. Так, слово *тётя* отличается от литературного *тётя* твёрдым звуком [т]. Слово *сварьба* отличается от литературного *свадьба* наличием звука [р'] (интересно, что в украинском языке звучит тоже не *свадьба*, а *свайба*). Слово *помню* в речи старожиллов употребляется преимущественно в варианте *помлю*. Подобные факты отражают различные процессы, происходившие в древности и впоследствии ставшие приметными именно этих конкретных слов.

В говорах встречаются целые гнезда слов с диалектными корнями: *шам* 'мусор', *шаминка* 'соринка', *шамить* 'сорить'. Или еще: *ёндать* – 'вертеться, крутиться, ёрзать': *Чего ёндаешь-то? Посиди спокойно!* (У-К. Устье); *ёнда* – 'непоседа, егоза': *Ну, ты не робёнок, а чистая ёнда! Уж ни минуты спокойно не посидишь!* (У-К. Устье). Факт наличия таких гнезд очень показателен: подтверждается реальное существование слов, а не случайное их употребление, демонстрируются живые словообразовательные связи в говоре.

По всем приведенным словам диалектологами записаны убедительные, достаточно полные примеры, ср: *Ества-то у нас уж были некудышные, но сварьба весело прошла* (У-К. Устье). *Ество* – 'кушанье, блюдо'. *Сегодня идти-то убрдно, дорогу снегом замело, еле дошла до вас – и тропки не видать* (У-К. Корол.). *Убрдно* – говорится 'об обилии глубокого, рыхлого снега, затрудняющего передвижение'.

Иногда значения слов в усть-кубинских говорах отличаются от их значений в других вологодских говорах. Так, почти повсеместно на вологодской территории слово *ез* обозначает запруду в реке, предназначенную для ловли рыбы. В усть-кубинском говоре

зафиксировано слово *ез* со значением 'огороженная часть пастбища': *Гони скотину-то в ез* (У-К. Богород.). По-видимому, в этой местности слово *ез* переосмысливается. Еще пример: слово *наслуд* в грязовецких, междуреченских, сокольских говорах обозначает 'воду, выступившую на поверхности льда, наледь', а в усть-кубинских говорах это 'обильные слизистые выделения из носа, насморк': *Опять наслуд появился, видно, где-то настыла, полный нос соплей* (У-К. Корол.).

Диалектная лексика в говорах Усть-Кубинского района тематически разнопланова. Представлены наименования особенностей ландшафта, метеорологических явлений, названия реалий растительного и животного мира, наименования особенностей трудовой деятельности человека, мифологических представлений и мн. др. Так, например, в народном сознании тщательно разработана и отражается в диалектных словах разносторонняя характеристика человека. *Беспелюха* – 'беспечный, беззаботный человек': *Этот беспелюха семью до сумы доведёт* (У-К. Корол.); *Что ты, беспелюха! Как жить-то будешь?* (У-К. Корол.). Продолжим ряд таких наименований человека: *большуха* 'женщина, которая ведёт хозяйство, хозяйка', *ботень* 'лентяй', *выряжёнки* 'ряженные', *выпороток* 'незаконнорожденный ребенок', *забайло* 'лгун', *кукобенья* 'неумелый человек', *кулёма* 'небрежно одетый или чрезмерно укутанный человек', *лында* 'вор', *наянщик* 'тиран, изувер', *ослопень* 'неповоротливый, полный, сильный человек', *плетя* 'кружевница', *пышкун* 'человек, который всё делает очень медленно', *самознай* 'высокомерный человек', *славутница* 'скромная, воспитанная девушка из состоятельной семьи', *сокера* 'человек, любящий спорить, задира', *телепень* 'крепкий, сильный мужчина', *укретьень* 'упрямый человек', *ухайда* 'отчаянный, дерзкий человек', *ухорван* 'драчун', *харакор* 'неуживчивый человек', *шлохвостка* 'непоседливая девочка' и т. д.

Невозможно обойти вниманием лексику, обозначающую мифологические персонажи: *баннушко* – 'в суеверных представлениях – злой дух, живущий в бане'; *кокованя* – 'мифическое существо, которое живёт в тёмных дальних углах, на чердаке, в доме'; *овиннушко* – 'в суеверных представлениях – злой дух, живущий в овине'. Этими персонажами в усть-кубинских деревнях обычно пугали детей.

Подобным образом можно было бы показать состав многих лексико-семантических групп слов. Практически все группы представлены своеобразными, колоритными словами. За неимением возможности сделать это в рамках данной статьи ограничимся приведенными материалами.

В говорах Усть-Кубинского района встречаются многозначные диалектные лексемы, что свидетельствует о стремлении жителей к обобщенному видению реалий окружающего мира. Так, слово *едучий* означает, во-первых, 'обладающий способностью колоть, колючий': *Эдакая едучая трава бывает с колючкам* (У-К. Устье), а во-вторых, в том же говоре проявляется значение 'придирчивый, недобрый, злой': *Не надо выходить за вдовца, он такой же едучий* (У-К. Устье).

Много интересного обнаруживается при рассмотрении лексики усть-кубинских говоров с точки зрения ее происхождения. Так, выявляются слова общеславянского происхождения: *баской* 'красивый' (а от него уже образованы формы *бассее*, *бастенький*), *баять* 'говорить', *бажить* 'желать' (а от него уже впоследствии образованы слова *бажиться*, *прибажиться*), *вица* 'прут, ветка', *долонь* 'ладонь', *лонись* 'прошлым летом', *чують* 'слышать' и др. Это древние, известные многим славянским языкам слова. Такое утверждение можно сделать по результатам просмотра этимологических словарей [Фасмер; Шанский].

Восточнославянскими, уже более поздними по происхождению словами являются слова *беремя* 'охапка', *воложный* 'влажный', *волок* 'участок лесной дороги', *морок* 'туман', *наволок* 'заливной луг', *порозный* 'незанятый, свободный', *свороб* – 'зуд', *хоробрый* 'храбрый'; *пакши*, *пакли* 'грубые, грязные руки', *пожня* 'участок луга для сенокоса', *сумёт* 'сугроб', *ярка* 'молодая овца' и др. Такие слова включают в себе те или иные признаки, характерные лишь для восточнославянских языков.

Собственно русские по происхождению наименования – *квёлый* 'неактивный', *заплот* 'изгородь из горизонтально положенных досок', *рамень* 'граница леса у края пахотной земли' и мн. др.

В изучаемых говорах обнаруживаются древние заимствования из языков соседних, не славянских народов: *макса* 'печень рыбы, молоки', *ровга* 'не оттаявшая земля', *конда* 'твёрдый слой ствола сосны' и др. Так, судя по данным Этимологического словаря русского языка М. Фасмера, слово *макса*, известное также олонечским, архангельским, тверским говорам, заимствовано из финского языка, где *taksa* действительно означает 'печень' [Фасмер: т. 2, с. 562]. Слово *ровга* 'не оттаявшая ещё земля' заимствовано из карельского языка, где *rouda*, а в финском языке *routa* – 'твёрдая, замёрзшая почва' [Фасмер: т. 3, с. 488]. Слово *конда* 'твёрдый слой ствола сосны' происходит из финского *honka* 'зрелая сосна' [Фасмер: т. 2, с. 308]. По одной из этимологических версий, даже такое привычное для вологжан слово *баской* является древним заимствованием из скандинавских языков [Фасмер: т. 1, с. 129–130].

Целый ряд слов в усть-кубинских говорах отражает какое-либо древнее, архаическое состояние языка или процессы, которые происходили в далеком прошлом. Рассмотрим несколько примеров такого рода.

Робята – *ребята*. Слово используется в диалектной, архаической, существовавшей еще в XI веке огласовке с корнем *роб-*. Лишь много позднее в этом слове произойдет межслоговая ассимиляция гласных звуков и появится привычное для современников звучание *реб-* [Шанский, с. 386].

Тишком – тайно, украдкой. *Кто-то у нас тишком лопату от дому уволок* (У-К. Корол.). В русском литературном языке есть наречие *исподтишка*, которое образовано от сохранившегося в диалектах слова *тишок*, *тишком*: *из-под + тишка*.

Топерь – *теперь*. Слово используется в диалектной, архаической огласовке. Оно еще в древнем языке было образовано от местоимения *тотъ* прибавлением

числительного *първо* (в старославянском языке – *топърво*). В Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, то есть в памятниках XIII–XIV веков, слово зафиксировано в варианте *топърво*. Впоследствии произошла межслоговая ассимиляция гласных, возникло произношение *теперь*, что и закрепилось в русском литературном языке [Фасмер: т. 4, с. 43–44].

Украшением народной речи в Усть-Кубинском крае являются многочисленные местные фразеологические обороты. В них соединяются прямое, прецедентное, бывшее когда-то реальным, и переносное, образное значения, аккумулируется яркая выразительность. Приведем далее несколько примеров такого рода.

Вносить миндору из избы – 'делать неприятности, размолвки, ссоры, касающиеся узкого круга людей, достоянием посторонних': *Богу-то неугодно, чтобы миндору из избы выносили* (У-К. Устье). *Миндора* – 'сор, мусор, хлам' [СВГ: вып. 4, с. 85]. В народе существовал запрет выносить, выметать мусор из избы: его следовало сжигать в печи. Ср. **выносить сор из избы** [СО, с. 689].

За быка свести – 'наильно, против воли девушки выдать её замуж': *Кого родители укажут, за того и пойдёшь. А не пойдёшь, так и за быка сведут. Какая там любовь!* (У-К. Устье). В образе быка, сильного и опасного животного, предстает образ нелюбимого, нетактичного, агрессивного мужчины.

Киса без лямок – 'безвыходное положение': *Ну, без отца им киса без лямок!* (У-К. Устье). *Киса* – 'заплечная котомка наподобие рюкзака, затягивающаяся шнурком, верёвкой' [СВГ: вып. 3, с. 58]. Носили *кису* за плечами, держалась она на лямках. Без лямок нести ее было бы крайне неудобно. И главное – *киса* вверху затягивалась, завязывалась шнурком, что и могло символизировать в сознании людей безвыходное положение.

Льзя да можно – 'надлежит, следует, можно': *Надо купить, болозе льзя да можно* (У-К. Корол.). *Льзя* – 'можно' [СВГ: вып. 4, с. 59]. Для усиления смысла во фразеологизме используется тавтология, применяются слова практически с одинаковым значением.

Пригоношки строить – 'отпускать язвительные шуточки': *Хватит мне пригоношки всякие строить!* (У-К. Устье). *Пригоношка* – 'смешная приговорка, шутка' [СВГ: вып. 8, с. 45].

Не мочь себе укороту найти – говорится 'о невозможности прийти в душевное равновесие, успокоиться': *Ой, так расстроилась – не могу себе укороту найти* (У-К. Корол.).

Следует отметить высокую культуру общения жителей в изучаемой местности. Так, по нашим наблюдениям, у населения выработаны определенные реакции на все случаи жизни. Эти реакции традиционны, строго регламентированы, практически ритуальны: люди знают, что и в какой ситуации следует сказать.

Так, в использовании благопожелательных формул, связанных с трудовыми процессами, проявляется стратегия доброты, утонченной вежливости. Тому, кто стирает или полощет белье в открытом водоеме, в этой местности говорят *Беленько!* Тому, кто стрижет

овцу, пожелают успеха репликами *Дай вам Бог не последний клок!*, *Шёрстка на шёрстку!*, *Сам пят!* (так желают, чтобы за год овечка дважды родила по два ягненка, а сама оказалась пятой). Тому, кто доит корову, пожелают *Струя в руку!*, *На густой вершок!*, *Вершок в палец!* (*вершок, вершки* – это ‘сливки, сметана’). Тому, кто режет скотину на мясо, говорят *Рена мясо!* Таких формул в говорах Усть-Кубинского района выявлено уже немало, но, если уж подмечена тенденция их использования, то целенаправленный поиск, смеем надеяться, может значительно пополнить их количество.

Под влиянием литературного языка, под давлением современных форм массовой культуры в говорах сейчас происходят необратимые изменения. Фонетические и грамматические особенности говоров стираются. Вообще уходят из обихода или становятся архаизмами слова, обозначавшие ранее реалии старинного быта и крестьянского мироустройства (*лубня* ‘лубяное лукошко’, *зобенька* ‘небольшая корзина’, *зыбка* ‘подвешенная к потолку детская люлька’, *колода* ‘деревянный снаряд для стирки, полоскания белья’ (участники экспедиции видели этот уникальный снаряд в музее «На чердаке у скопидома» в селе Заднее), *ступень* ‘лапоть без задника’ и др.).

Это явление оценивается неоднозначно. С одной стороны, хорошо, что литературным языком овладевает все большая часть граждан, с другой стороны, утрата говоров, потеря в связи с этим этнического своеобразия должны быть признаны отрицательным явлением, ибо, по словам А.Я. Яшина, людей «к этим словам привадила мать, милы они с самого детства», и люди ничего не должны потерять «из вверенного наследства» [10, с. 323].

Поэтому сам собой напрашивается следующий вывод: в настоящее время необходимо интенсифицировать изучение говоров Усть-Кубинского района Вологодской области. Для этого нужно в короткое время предпринять определенные шаги:

- с помощью современной аудио- и видеотехники записать как можно больше образцов народной речи, создать целую коллекцию таких записей;

- целенаправленно составлять словарь (словари) местных слов (пусть их будет несколько!);

- в экстренном порядке, пока не ушло из жизни крестьянское поколение, собрать материалы по Программе обследования говоров для Лексического атласа русских народных говоров;

- накапливать в специальных регистраторах и, по возможности, публиковать для широкого доступа культурологические и лингвистические сочинения учащихся, педагогов школ, а также прочих краеведов;

- оказывать всяческое содействие (транспортом, размещением, подбором информантов и др.) профессиональным экспедиционным группам из Института русского языка им. В.В. Виноградова и Вологодского государственного университета.

Только выполнив все намеченное, мы сможем впоследствии сказать, что для описания говоров родного Вологодского края сделали всё, что было в наших силах. Поэтому запланированный уже нами третий сезон диалектологических наблюдений за речью

жителей Усть-Кубинского района Вологодской области должен осуществиться.

Литература

1. Башенькин, А.Н. Вологодская область в древности и средневековье / А.Н. Башенькин // Вологда. Краеведческий альманах / гл. ред. М.А. Безнин. – Вологда: Русь, 1997. – С. 5–35.
2. Варганова, А.П. Иду по жизни не спеша / А.П. Варганова. – Село Устье, 2010. – С. 27–41.
3. Захарова, К.Ф. Диалектное членение русского языка / К.Ф. Захарова, В.Г. Орлова. – Москва, 1970.
4. Зорина, Л.Ю. Диалектная лексика говоров Вологодского края: методические материалы и научно-популярные очерки / Л.Ю. Зорина. – Вологда: ВГПУ, 2008. – 144 с.
5. Зорина, Л.Ю. Язык родного края / Л.Ю. Зорина // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2011. – № 3. Т. 1. – С. 45–49.
6. Паникаровская, Т.Г. К изучению говоров Кубено-Озерского района (Сообщение о диалектологической экспедиции Вологодского педагогического института) / Т.Г. Паникаровская // Говоры Вологодского края: аспекты изучения. Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Л.Ю. Зорина. – Вологда, 2008. – С. 258–275.
7. Чайкина, Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья / Ю.И. Чайкина // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда, 1975. – С. 3–187.
8. Яцкевич, Л.Г. Слово о родной деревне / Л.Г. Яцкевич (Калачёва). – Вологда, 2011. – 272 с.
9. Kubena – Официальный сайт администрации Усть-Кубинского района Вологодской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.kubena35.ru/o-raione.html
10. Яшин, А.Я. Родное слово / А.Я. Яшин // Яшин А.Я. Избранные произведения. – Москва: Художественная литература, 1972. – Т. 1. Стихи.

Словари

СВГ – Словарь вологодских говоров / под ред. Т.Г. Паникаровской. – Вып. 1–6; под ред. Л.Ю. Зориной. – Вып. 7–12. – Вологда: ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.

Словарь говоров Устья – Словарь диалектных слов Усть-Кубинского района Вологодской области / сост. З.А. Морозкова. – 3-е изд. – Устье, 2017. – 54 с.

СО – Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – Изд. 11. – Москва: Русский язык, 1975.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 1994–2005. – Вып. 1–6.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, ред. Ф.П. Сороколетов. – Москва; Ленинград: Наука, 1965–1989. – Вып. 1–24; гл. ред. Ф.П. Сороколетов. – Санкт-Петербург: Наука, 1990–2010. – Вып. 25–46; гл. ред. С.А. Мызников. – Санкт-Петербург: Наука, 2014–2016. – Вып. 47–49.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – Москва, 1986–1987. – Т. 1–4.

Шанский, Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя / Н.М. Шанский. – Изд. 2. – Москва: Просвещение, 1971.

Сокращенные обозначения районов, сел и деревень

У-К. – Усть-Кубинский район; Сямж. – Сямженский район; Богород. – Богородское, Авкс. – Авксентьево, Задн. – Заднее, Корол. – Королиха, Нов. – Новое.

L.Yu. Zorina

ON STUDYING THE DIALECTS OF UST-KUBINSKY DISTRICT OF VOLOGDA REGION

The article is devoted to the characterization of previously completely unclaimed dialects of the Ust-Kubinsky district of the Vologda region. The phonetic-morphological features of dialects are listed, their vocabulary and phraseological composition are analyzed. Identified as a result of the expeditions of recent years, the features of these dialects indicate that these dialects, firstly, are typical for the central part of the Vologda group of the North Russian dialects and, secondly, are stable in time.

Vologda dialects, dialectological examination, Vologda region, Ust-Kubinsky district.